

Я разыграл представление, взяв свою сумку: «Вэньян, сколько сейчас времени? Могу ли я попасть на автобус?»

Разговоры об этом — это всего лишь моя уловка, поскольку я приехал сюда на последнем автобусе.

Он заколебался, нахмутив брови: «Уже поздно... Я провожу тебя на улицу и вызову такси, хорошо».

"Нет!" Я в панике отступил назад: «От твоего дома до моего выйдет дорого, это слишком дорого, я... Я просто пойду обратно, ладно».

Его красивые брови сдвинулись на переносице.

Именно в этот чрезвычайно опасный момент за дверью послышались стуки. Это была мама Чжо, чей голос для меня прозвучал как небесный хор: «Сяо Ян, небезопасно позволять твоему однокласснику возвращаться так поздно. Почему бы тебе не позволить ему позвонить семье, и он останется здесь сегодня вечером, хорошо?»

В глубине души я дико кричал: Черт, да, но лицо мое оставалось искренне сожалеющим и тревожным: «Это... это было бы слишком хлопотно, ты не думаешь...»

Он снова вздохнул, смирившись со своей судьбой, запустив пальцы в волосы: «Иди умойся, я дам тебе пижаму».

Когда я услышал, как он медленно приближается к кровати, я украдкой спрятал свой смех под одеялом — смех, который был просто недобрым~

«Спокойной ночи~», после того как он поднял одеяло и лег рядом со мной, я запел.

«Спокойной... ночи» — он сделал паузу на некоторое время, прежде чем жестко ответить.

Свет выключили. Двое парней втиснулись в не очень широкую кровать, среди них один был гей~~~

Я долго и упорно думал об этой возможности, которую было нелегко найти, но каким-то образом я ее получил, так не следует ли мне съесть как можно больше тофу? Находясь рядом с ним, рука — намеренно — легла ему на талию.

Его затрясло, но он не двигался; все еще лежа, повернувшись ко мне спиной.

Ух ты, Чжо Вэньян. Я, Линь Цзин, взял на себя инициативу сейчас главным образом для того, чтобы уважить тебя. Есть много людей, которые хотят этого, но не могут об этом попросить, а ты так реагируешь? Рядом с тобой лежит эта редкая божественная красота, и ты ничего не собираешься делать — ты разве можешь называть себя женщиной?! (В тот момент я автоматически проигнорировал, что он не гей; и что у него нет интереса к такому же, как я, плоскогрудому, взрослому мужчине — это факт!)

«Вэньян~~», — прошептала я ему на ухо. Я довольно умело владею дыханием; цель состоит в том, чтобы взорвать и пощекотать его сердцевину, а не задохнуться, как бык.

"Что ещё?" Его вовсе не обманули — он даже не обернулся.

«Повернись, ладно? Мне нужно тебе кое-что сказать.»

Я видел, что он нервничал. Я правда ничего ему делать не собирался, знаете, просто хотел его подразнить.

Он же обернулся.

И в этот момент его губы коснулись моих губ.

«В чем дело?» — он слегка поднял голову и спокойно спросил.

Мышцы моего лица напряглись: «Ничего». Я быстро повернулась к нему спиной.

Просто... только что, в тот момент, когда его губы встретились с моими... вспыхнула искра, заставившая мое сердце задрожать. Я прижал руки к груди, чувствуя, что мое сердце все еще бешено бьется.

Серьезно, почему это никуда не денется - проворчал я, закрывая глаза. Слышу, как он двигается позади меня, его нога касается моей, а затем я быстро сгибаю их.

Мое тело... Когда оно стало таким чувствительным?

Я держался за колени, желая заснуть, но в моем не всегда умном мозгу неожиданно всплыла английская фраза «Out of Control».

Вышел из-под контроля... совершенно вышел из-под контроля.

...Внутри моего тела казалось, то место, где были тормоза, в тот момент сломалось.

Я внезапно почувствовал опасность.

Утром, проснувшись, я заметил рабочий график, прилипший к изголовью кровати; сверху время сна было отмечено как десять часов.

Оказывается, Чжо Вэньян принадлежит к той группе людей, которые пунктуальны. Так что неудивительно, что из-за того, что я беспокоил его допоздна, забираясь в постель, его лицо было таким злым.

«Доброе утро, тетушка». Половина моего сладкого тона была направлена на довольно красивый завтрак, разложенный на столе.

«Лин Цзин, иди позавтракай». Отношение его матери ко мне, по сравнению с ним, было на добрее. Раньше Ли сказал мне, что я не могу притворяться утонченным и вежливым по отношению к другим. Но я не могу справиться с этим парнем, Вэньяном. Разобраться с Обасан будет достаточно.

[Примечание: Обасан, по-японски «тетя», вежливый термин, используемый также для обозначения пожилой женщины]

Я подошел, сел и начал наслаждаться едой, но, увидев подходящего Чжо Вэньяна, мои губы застыли на месте.

В те дни, когда температура поднималась слишком высоко, форменный пиджак не надевали, поэтому он просто носил белую классическую рубашку, аккуратно заправленную в брюки формы. Для других людей такая перемена была бы просто обычным способом одеваться; и в этом десятилетии единственными, кто все еще заправлял рубашки, были фермеры и ветераны Второй мировой войны. Но он выглядел так хорошо; широкие плечи и подтянутая попа, тонкая талия и длинные ноги — если бы в нем было чуть больше роста, то он был бы в точности похож на манекенщика.

Я посмотрел на него пристальным взглядом, задаваясь вопросом, как именно человек в обычной одежде может быть таким привлекательным, таким чертовски ярким, и какого черта я тратил все эти деньги на брендовые товары?

Если бы я не был геем, прямо сейчас меня охватила бы зависть, которая могла бы породить глубокую горькую ненависть к нему.

Когда мой изумленный разум вернулся к реальности, я сделал глоток молока, чтобы прикрыться, вытирая слюни, а затем внезапно понял, что что-то не так.

Как только я об этом упомянул, я понял, что изначально что-то маленькое, превратилось в большое!

«Его здесь нет», — тон Чжо Вэньяна дал мне понять лучше, чем осмелиться спросить. В конце концов, неужели его уже нет на свете, его просто нет дома, или это... что-то еще.

Конечно, мне очень хотелось это знать.

Но даже если меня искали другие люди, мне было лень спрашивать, кроме Чжо Вэньяна.

"Мои родители в разводе." В те редкие дни, когда я посещал занятия, во время перемены между уроками, он часто бормотал про себя вот так; и я, убаюканный бессвязным лепетом учителя химии, вдруг протрезвел.

"Хм?" мои мысли перестали вращаться, и я тупо смотрел, не зная, что сказать.

«Это было довольно давно. Я ничего не чувствую по этому поводу. Но просто мама, когда вспомнит об этом человеке, ей все равно грустно. Так что не упоминай его, когда ты перед моей мамой. Он меня не хотел, поэтому, когда он ушел, мне пришлось остаться с ней, потому что у этого человека есть все и ему больше ничего не нужно, а моя мама... у моей мамы без меня ничего нет. Он по-прежнему несет ответственность, а значит каждый месяц платит алименты и раз в год навещает меня. Так что он не такой уж и плохой человек, да. Вот и все».

Пока Вэньян говорил, его глаза не отрывались от листа упражнений перед ним, его рука сжимала ручку так крепко, что казалось, будто он всем сердцем пытался решить задачу. Он говорил с большой настойчивостью, очень резко и в то же время очень уверенно. Очевидно, он не хотел больше ничем делиться, но, тем не менее, я был счастлив. То, что он поделился этим секретом со мной, а не с другим, дало мне чувство превосходства.

«Мои родители все еще со мной. Но встречи кажутся официальными, даже со мной. Лучше уж никаких родителей, чем такие». Я выглядел как ребенок, который стремился показать верность, надежность, а также свою нерушимую дружбу, раскрывая свой секрет, чтобы обменяться с маленьким приятелем: «Я хочу уйти, но я хочу, чтобы они все еще давали мне деньги на расходы; Меня это совершенно не волнует. Тебе еще повезло, хоть кто-то о тебе заботится; в отличие от меня, чьего отца я не волную, чью мать его не любит, и у которого нет никого, кто бы относился к нему серьезно».

Он посмотрел на меня и усмехнулся: «Это не так».

В конце концов, я так и не смог понять, что он имел в виду; говорил ли он, что такой разговор с моими родителями все же лучше, чем ничего, или он говорил, что если они разведутся, мне будет все равно; или, возможно, он говорил, что у меня еще есть люди, которые меня любят.

<http://bllate.org/book/14083/1239225>